

меховой торговли и т. д. В целом, нам кажется, что по обилию нового материала, новых хорошо фундированных идей четвертая и пятая главы относятся к лучшим в книге.

Хотелось бы пожелать, чтобы в своих дальнейших исследованиях автор столь же подробно рассмотрел конфедерации земледельческих племен юго-востока Северной Америки (мускогов, криков, натчезов и др.), по-видимому, сходные по своей военно-демократической структуре с лигой ирокезов (стр. 249). Подробное исследование племен юго-востока, на наш взгляд, представляет большой интерес для изучения специфического и общего в развитии раннеклассовых отношений в городах-государствах Старого и Нового Света.

Последняя, VI глава (стр. 251—330) монографии Ю. П. Аверкиевой посвящена индейским племенам степей. В этой главе рассматривается происшедший в XVII—XVIII вв. переход ряда индейских племен Северной Америки от мотыжного земледелия и пешей охоты к кочевому коневодству и верховой охоте на бизонов, от оседлого и полуседлого образа жизни к кочевому. Этот процесс представляет большой интерес не только для изучения эволюции общества степных индейцев в условиях капиталистической колонизации, но, как справедливо отмечает автор, позволяет также «конкретизировать целый ряд особенностей раннего этапа перехода от первобытнородового устройства к классовому обществу, который характерен был и для кочевников Старого Света» (стр. 330); например, материал о формах собственности на лошадей у индейцев прерий имеет значение для решения проблемы возникновения частной собственности на домашних животных (стр. 264).

Автор показывает, что новое заселение степей индейцами в XVII—XVIII вв. происходило в результате совместного действия нескольких факторов: движения на запад фронта колонизации, развития меховой торговли, приобретения индейцами лошадей и огнестрельного оружия, что привело к крупным изменениям в формах хозяйства и всего образа жизни индейских племен. Ю. П. Аверкиева тщательно анализирует то новое, что принесло владение лошадьми в жизнь степных индейцев, и делает интересные выводы относительно их социальной организации. В частности, хорошо показано переплетение отживающих материнскородовых связей с патриархальными нормами, соседскими связями и зарождающимися классовыми отношениями. Не вызывает сомнений мысль автора, что в середине XIX в. у индейцев прерий в форме родовых часто выступали различные виды раннефеодальных отношений (стр. 305 и др.). Согласны мы и с общим выводом Ю. П. Аверкиевой о том, что в целом уровень развития степных обществ в XVIII—XIX вв. следует оценивать как военно-демократический.

В Заключении, подводя основные итоги своего исследования, автор говорит о том, что на примере рассмотренных в монографии четырех групп племен показаны четыре варианта процесса зарождения и становления классового общества. Этот процесс сопровождается сближением племен, их этническим смешением и возникновением народностей.

В своей рецензии мы смогли коснуться лишь некоторых вопросов, рассмотренных в книге «Индейцы Северной Америки». Нам думается, что это фундаментальное исследование станет настольной книгой каждого американиста и историка первобытного общества.

Л. А. Файнберг

НАРОДЫ АФРИКИ

Д. Б. Малышева. Религия и политика в странах Восточной Африки. М., 1974, 168 стр.

Вопрос о соотношении религии и политики в африканских странах принадлежит к числу наименее изученных в советской африканистике. До сих пор советские исследователи уделяли в основном внимание изучению культовых сторон религий в Африке, не останавливаясь в достаточной степени на той роли, которую играют религиозные факторы в политической жизни африканских государств.

В рецензируемой монографии исследуются важные проблемы, связанные с влиянием религии на общественно-политическую жизнь народов Кении, Уганды, Танзании.

Во введении к работе подчеркивается, что особенности социально-экономического и политического развития Кении, Уганды и Танзании свидетельствуют о том, что большая роль религии в этих странах является следствием и показателем их социально-экономической отсталости, в результате которой религиозно-общинные отношения часто все еще доминируют над отношениями классовыми и этническими, во многом совпадают с ними и нередко служат формой их проявления и выражения.

Автор подробно анализирует проблемы, связанные с распространением местных традиционных религий, христианства и ислама на Африканском континенте.

Большим достоинством монографии можно считать, также то, что автор исследует роль религии в странах Африки в связи с этническими процессами, происходящими в этих странах.

Так, значительный интерес представляют те части работы, в которых показывается, как религиозно-племенные традиции у различных этнических групп затрудняют формирование единой национальной общности и ослабляют государственное единство. Особенно ярко это проследивается на примере Уганды, Кении и Занзибара.

Автор показывает, что в Уганде племенные верования выполняли определенные социальные и политические функции, так как осылали традиционные институты и всю иерархию феодально-монархической власти. Обожествленный правитель Буганды — *кабака*, символ этнического единства и этнической солидарности баганда, был на протяжении длительного исторического периода стержневой фигурой в политической борьбе в Уганде, особенно во время подъема национально-освободительного движения в 1953—1955 гг.

Сепаратистские устремления верхушки баганда, принявшие религиозную окраску, после провозглашения независимости Уганды тормозили национальную консолидацию, препятствовали достижению политического единства страны. Автор убедительно доказывает, что феодалы и монархисты Буганды в борьбе против центрального правительства широко использовали племенные верования, особенно культ кабаки, в качестве одного из средств идеологического давления на политически незрелое крестьянство, находившееся в плену религиозных предрассудков.

Заслуга Д. Б. Малышевой состоит в том, что на частном примере Буганды она показывает всю сложность и многоплановость проблемы взаимоотношения крупной этнической общности и государственной власти (подобная проблема существует во многих странах Тропической Африки: например, ашанти в Гане, ибо в Нигерии, эве в Того и т. п.) и раскрывает в связи с этим такой ее важный аспект, как влияние религии.

Несколько в ином ключе рассматривает автор связь религии с этносоциальными и политическими проблемами в Кении. Здесь объектом исследования становится наиболее яркий этап национально-освободительной борьбы кенийского народа — движение «Мау Мау». Д. Б. Малышева пишет, что в религиозном сектантстве в период движения «Мау Мау» выразился протест масс против колониального порабощения и расовой дискриминации; религия объективно способствовала политическому объединению африканцев, прежде всего крупнейшей народности страны — кикуйю.

Большой интерес представляет описание начального периода движения «Мау Мау» (1947—1952 гг.), наименее исследованного в литературе. Утверждение автора о том, что в этот период движение имело характер института племенного тайного общества, убедительно аргументировано и иллюстрируется введением в научный оборот текстов клятв, приносившихся при вступлении в тайные организации «Мау Мау», религиозных гимнов, молитв и т. п. (см., например, стр. 73).

Религиозно-политический характер движения, отягощенность его племенными традициями в конечном счете определили его внутреннюю слабость, противоречивость и историческую ограниченность. Как справедливо отмечает автор, в ходе движения «Мау Мау» «племенные верования, синкретизированные с христианством, с их мистицизмом, приверженностью к суевериям и пережиткам прошлого, в особенности к трибализму, препятствовали объединению различных племен, подлинной духовной деколонизации народа» (стр. 89).

Продолженный автором анализ социально-экономической жизни современной Кении показывает, что трибализм в сочетании с пережитками традиционных верований продолжает играть значительную роль в жизни кенийского общества. Автор объясняет это тем, что до сих пор существуют такие причины их возникновения, как родо-племенные институты и связи, а главное — сохраняется социально-экономическая отсталость, побуждающая народные массы к политическому протесту, продолжающему подчас носить религиозную форму.

В главе «Роль религиозного фактора и церкви в политической жизни Танзании» специальный раздел посвящен проблеме соотношения национально-этнического фактора и религии в политической жизни Занзибара. Обращаясь к политической истории Занзибара послевоенного периода, Д. Б. Малышева подчеркивает, что в этой стране столкновения эксплуататорских и эксплуатируемых элементов, принадлежавших к разным этническим группам, приводили к тому, что на первый план в большинстве случаев выдвигался этнический фактор, а социальные по своему существу процессы облекались в форму религиозно-этнических противоречий и конфликтов. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением о том, что все это усложняло национально-освободительную борьбу, мешая трудящимся сформулировать экономические и политические требования.

Исследуя историю Занзибара в плане сочетания религиозного фактора с этническим и расовым, автор дает характеристику основным расовым и этническим группам занзибарского общества — арабам, африканцам, индийцам, пакистанцам, европейцам — и акцентирует внимание на такой специфике политической жизни Занзибара 50—60-х годов, как образование политических партий на расовой и этнической основе (Националистическая партия, партия Афро-Ширази и др.).

Совершенно справедливый вывод автора о том, что расовые и этнические проблемы в сочетании с религиозными по-прежнему остаются важными факторами политической жизни современного занзибарского общества, влияющими на политику правительства, деятельность правящей партии Афро-Ширази следовало бы, на наш взгляд, подкрепить большим фактическим материалом.

Целесообразно было бы также более подробно остановиться на роли азиатских по происхождению меньшинств в социально-политической жизни восточноафриканских стран. В частности, было бы интересно проследить за деятельностью исмаилитской общины, так как именно Восточная Африка является главным опорным пунктом исмаилитов на Африканском континенте.

Отмеченные выше недостатки ни в коей мере не снижают научной значимости работы. Для монографии Д. Б. Малышевой характерны четкость изложения, хороший литературный язык. Книга будет с большим интересом прочитана всеми, кто интересуется современными проблемами Африки.

Ю. М. Иванов

С. Ф. Кулик. Современная Кения (Справочник). М., 1972, 446 стр.

Рецензируемую книгу нельзя назвать справочником, настолько глубоко и разносторонне осветил автор самые различные стороны жизни и природы страны, выделяющейся среди стран Восточной Африки и пестротой этнического состава, и социальными контрастами населения, и яркостью и разнообразием природных условий. В свое время экономгеограф И. В. Витвер говорил, что изучение зарубежных стран требует особых усилий для того, чтобы не сбиться на легковесные компиляции. С. Ф. Кулик прожил в Кении шесть лет и сумел передать на страницах книги собственные наблюдения о культуре и быте народов, своеобразии ландшафтов, которые трудно уловить в литературных источниках.

Наряду с личными наблюдениями автор широко использовал документы, материалы архивов и официальной статистики, различные научные публикации, в частности, новейшие исследования кенийских ученых (Б. Огот, С. Оминде, И. Лупекин, Ф. Ндегва и др.).

Работа имеет четыре крупных раздела — «Страна и население», «Экономика», «Государственный строй и общественные организации», «Культура». Уже из этого перечня главных тем видно, что автор концентрирует свое внимание на проблемах современной социально-экономической и культурной жизни страны. Небольшой по объему физико-географический очерк, хотя и написан на высоком профессиональном уровне, все же имеет подчиненный характер в книге. Главное в нем — природно-хозяйственная оценка территории, территориальных различий природных ресурсов.

Весьма ценен для этнографов раздел «Страна и население», в котором широко использованы данные переписи 1969 г., в частности о численности отдельных народов. Автор весьма подробно описывает их расселение, особенности хозяйства и культуры, приводит некоторые материалы по этногенезу (суахили, миджикенда, балухья и др.). Заслуживает внимания описание нилотских народов (стр. 57—61). Нилоты Центральных нагорий и долины Керо еще недавно разделялись на ряд племен (нанди, кипсигис и др.). После того, как Кения стала независимой, наметился процесс их объединения в более крупную этническую общность календжин. Однако некоторые мелкие племена на севере страны — элгейо, марквет, покот (сук) и др. еще сохраняют традиционный полукочевой образ жизни, что объясняется искусственной изоляцией от остальной части страны в колониальное время. Результатом политики английских властей явилось превращение северных районов страны как бы в живой «этнографический музей». Однако и сюда теперь постепенно проникает новая жизнь.

Особенно заметны социальные и этнические изменения в центральных районах страны, где уже давно сформировались крупные народности: кикуйю, балухья, камба, луо и др. Здесь наблюдается быстрое развитие товарно-денежных отношений, переход от мотыги к плугу, распространяются экспортные культуры. Появилось довольно много лиц, получивших как общее, так и специальное образование. Но нужно сказать, что все же и здесь, особенно среди кикуйю, сохраняют свое влияние традиционные племенные вожди и старейшины. Из их среды вышли многие крупные кенийские лидеры, в частности президент республики Джомо Кениата, министры М. Коинанге, Д. Гичуру и др. (стр. 53).

Особое место в жизни Кении занимают выходцы из других стран, в частности индо-пакистанцы и европейское по происхождению население. Между двумя переписями (1962 и 1969 гг.) число выходцев из Европы сократилось с 55 759 до 40 593, а выходцев из Азии — с 177 002 до 139 037 чел. Автор справедливо обращает внимание на активный процесс «африканизации» в стране (стр. 67, 192 и др.).

Нельзя не сказать и о некоторых недостатках раздела «Страна и население». Можно было бы ожидать более полного освещения роли европейского по происхождению населения в истории страны. С «белым» населением в Кении связаны не только земельные проблемы, но и целый комплекс социально-экономических, этнических и языковых проблем. «Белые поселенцы» способствовали формированию колониального общества и